

Мужские дневники ушедшей эпохи: «Я» и «Ты»

Все, что замалчивается в первом поколении,
второе носит в своем теле.

Француаза Дольто

В структуре наших тел мы несем матрицы реагирования, усвоенные нашими родителями. В данном случае не столь важно, унаследовали ли мы их генетически, или скопировали напряжение их тел, взрослея и обучаясь. И поэтому «идя в ногу со временем», представляя себя живущими в постиндустриальном, информационном, в общем, новом веке, мы очень во многом продолжаем делать со своей жизнью то же, что и наши родители, не отдавая себе в этом отчета.

В индийском средневековом романе «Кадамбари»² (VII век н. э.) завязка сюжета начинается с того, что один из героев, человек, прокликает другого героя — бога луны. Сюжет развивается в следующей инкарнации героя, а развязка происходит в его третьей инкарнации. То есть сюжет романа развивается в трех жизнях героя. Мы так мыслить не умеем: нам кажется, что коллизии биографии начинаются рождением и заканчиваются смертью. Но жизнь больше одной биографии. Завязка Сюжета, в котором живет мое поколение россиян, как я думаю, случилась еще до нашего рождения. Она пришлась на 1920—1940-е годы прошлого века, на гибель поколения рожденных до революции дедушек и прадедушек: деклассированных «бывших», раскула-

² Бана. Кадамбари / пер. П. А. Гринцера. 2-е изд. М.: Ладомир, 1995 (Сер. Литературные памятники). М.: Наука, 1997.

ченных, сидевших и воевавших, погибших в лагерях или на войне. Это обеспечило следующему поколению жизнь, прошедшую под гнетом закрытых тем. Так, например, я с детства знала от отца, что мой дед умер в заключении и что он был осужден по уголовному делу, хотя справку о посмертной реабилитации деду, в которой была указана 58-я статья, отец получил еще в начале 1950-х. Я думаю, что ему легче было принять мысль об отце-уголовнике, чем об отце-жертве того строя, который его, оставшегося после войны круглым сиротой, «вывел в люди».

Завязка сюжета пришла на страх наших бабушек, выбравших молчание и, в подавляющей массе своей, ни слова не сказавших своим детям и внукам, пионерам советской страны, о том, что они об этой стране думают. Никто их не осудит за это, они сохраняли потомство: принятие советских ценностей было условием выживания. Но случалось и иное: пережившие тюрьму, суму и войну, совершив свой экзистенциальный выбор, выбирали открытость. Я встречала таких людей, со спокойным, иногда ироничным взглядом, во всех сословиях: среди ученых и крестьянок, среди старых священников и филармонических старух, библиотекарей и рыночных торговцев.

Коллизия этого, завязавшегося в середине прошлого века, сюжета разворачивалась в 1960—1970-е годы с дымом костров, создававшим уют, бумажными солдатами и прочими подростковыми моделями проживания жизни. Рожденным в 1930-е и 1940-е с трудом удавалось повзрослеть: обычно они мало что узнавали от своих родителей о сделанном теми выборе. Поколения, прошедшие советскую школу, были воспитаны в системе государственного патронажа, при котором жизненный путь каждого, при условии соблюдения правил конформности, был вполне определен: ясли, детсад, школа, училище или институт, работа, пенсия. Выбор ограничивался профессией и супругом.

Развязка этого российского сюжета может случиться в моем поколении, но лишь в том случае, если наследственная природа наших жизненных сценариев будет осознана: если мы признаем преемственность и примем истории наших ближайших предков как свою вину, свою беду и свое достижение, примем как родовой опыт. Один из способов движения в этом направлении — встреча лицом к лицу теми, кто участвовал в завязке того Сюжета, в котором мы живем.

Цель настоящего издания — представить читателю внутренний мир двух мужчин, крестьян, колхозников, который они открывали своими дневникам. Один из них, взрослый человек, отец большого семейства, крестьянин с. Вашки Белозерского края Дмитрий Иванович Лукичѳв. Он вел дневник с начала 1920-х годов до своей кончины в 1938 году. Другой, Дмитрий Петрович Беспалов, житель Островского сельсовета Вашкинского района Вологодской области — молодой парень-фронтовик, вел дневник в течение одного года — с сентября 1945 по август 1946 года. С обеими рукописями я познакомилсь в 2002 году, когда мы проводили полевое исследование в Вашкинском и Белозерском районах Вологодской области.³

О каждом из авторов я расскажу в соответствующем месте, а здесь мне хотелось бы объяснить как сложность, так и необходимость встречи читателя с этими людьми. Необходимость, на мой взгляд, определена следующим. Значительная сфера жизни современного человека — досуг, семья, любовь, эстетические предпочтения, этические установки — воспринята от родителей и из школы. То есть мы их не сами выбрали: их нам задали, как домашнее задание для последующего жизненного исполнения. А родители моих сверстников их получили из школы, но уже не от своих родителей. Как мне представляется, именно здесь пролегла зона разрыва преемственности поколений: между рожденными до революции дедами и воспитанными советской школой отцами. Отказ от жизненного опыта предшествующих поколений обеспечил новым людям Страны Советов не только единство мировоззрения, но и вечное детство с отцом-государством во главе большой советской семьи.

Сложность состоит в том, что большинство рожденных в СССР горожан — горожане не более чем во втором, третьем поколении. Но в силу случившегося разрыва мы не способны различать в законсервированных огурцах, садовых участках, в туалетах по типу «очко», в походах по грибы-ягоды крестьянских оснований наших телесных привычек. Благодаря школе, мы гораздо лучше представляем повседневность Пьера Безухова и Евгения Онегина, чем повседневность своих деревенских предков. Их мир мы представляем извне, посредством взгляда советского кино и советской литературы. Теодор Шанин назвал крестьянство великим незнакомцем, но многим из нас, граждан

³ Проект «Музей биографий. Русская провинция. XX век», руководитель И. С. Веселова, 2002 г. См.: «Открытый музей биографий»: URL: <http://folk.ru/BiogrMuseum/index.php?rubr=museum-project>; CD-ROM «Музей биографий. Русская провинция. XX век». Проповский Центр. СПб., 2002.

современной России, нужно признать, что незнакомцами оказались его собственный отец и дед. Для того чтобы осознать, что унаследовано, а что утрачено, нужно найти способ встретиться со своими предками.

Необходимость подобной встречи определена и еще одним, очень важным, на мой взгляд, обстоятельством. Она дает возможность осознать собственную мужскую или женскую стратегию чувствования и представления, понять, что представления о противоположном поле, как и конструирование собственных женских или мужских поведенческих тактик, не универсальны. И мужское, и женское поведение исторично и наследуемо: многие из тех стереотипов, которыми мы руководствуемся в своей частной жизни, представляют собой ментальные реликты ушедших эпох. Один из таких реликтов — убежденность в том, что мужчины и женщины во все времена видят и создают свой мир по одним и тем же ментальным законам.⁴

Мужчины, чьи автобиографии мы читаем, видят и представляют женщин так, как женщины себя не видят и не представляют.⁵ Мои современники, я думаю, в значительной степени наследуют мужской взгляд своих отцов. Как-то я спросила приятеля, как он думает о своей любимой женщине: как «она» или как «ты». Думает ли он о ней в третьем лице или во втором, как если бы он с ней разговаривал? Для него ответ был однозначным — только в третьем лице. В том числе и потому, что нельзя желать «ты», желание предполагает субъектно-объектные отношения. В границах мужской внутренней речи позиция «ты» открывается чаще всего как метафизическая позиция. Что и сообщил мне мой друг, подтвердив, что в его внутренней речи «ты» может быть только Бог.

Думаю, что здесь он несколько лукавил или просто забывал. Наверняка ему, как и многим другим чадам наших невротических времен, мужчинам и женщинам, знакома внутренняя «говорилка»: повторение про себя и исправление случившихся неудачных разговоров. В таком внутреннем разговоре тоже присутствуют «ты»: это тот, в беседе с кем мы были уязвлены, чье травмировавшее воздействие мы пытаемся смягчить, задним числом изменяя свои реплики. Такие внутренние собеседники — ментальные копии реальных властных прототипов. Такие «ты» всегда размещаются в доминирующей позиции: им делегировано право оценивать. Мы не возвращаемся мыслями к

⁴ Этому вопросу посвящено значительное количество социологических и гендерных исследований (см. напр.: Giddens A. *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. — Stanford, Stanford University Press. 1992), но часто описание женственности и мужественности происходит с одновременной объективацией позиции наблюдателя, ученого, свободного от собственного — вписанного в освоенную им социальность — гендерного опыта. Я же считаю, что этот опыт не заслуживает того, чтобы его элиминировать, во-первых, потому что он этому не поддается, во-вторых, потому что он может служить инструментом анализа.

⁵ **О том, как представляют себя женщины-крестьянки** см.: Olson L., Adonyeva S. *The Worlds of Russian Village Women: Tradition, Transgression, Compromise*. University of Wisconsin Press, 2013.

разговору с теми, чье мнение для нас не значимо. Это условное множество оценивающих наблюдателей в психологии называется эталонной, или референтной группой. Перед ними можно и нужно как-то «представлять себя».

Перед «ты», перед избранным собеседником, это делать невозможно, поскольку в таком диалоге человек полностью открыт и такая открытость — то, к чему он стремится: абсолютное доверие желанно.

Так вот, как мне было сказано, любимая женщина не может быть «ты», не может быть внутренним собеседником, хотя тот же мужчина использует обращение к женщине в своей поэтической речи. Получается, не являясь адресатом его внутренней речи, ее светлый образ служит адресатом его поэтической речи. «Концепция адресата»⁶ в жанре «любовной лирики» не совпадает с концепцией адресата в речи автора этой лирики. Но, поскольку концепция «ты» есть, как известно, способ организации «я», то получается, что «я» — несколько. «Я» поэта и «я» того, кто время от времени бывает поэтом, не совпадают. То есть «поэт» — это роль, а не экзистенциальное состояние, и если в нее войти, то женщина может стать адресатом.

На меня этот разговор произвел сильное впечатление, поскольку выяснилось то, чего я никак не предполагала, по обыкновению, проецируя собственные ментальные привычки на внутреннюю жизнь других. Адресация в женской внутренней речи организована иначе, за женщин всех времен и народов не скажу, но женщин, живущих в нашей стране, это точно касается.⁷ Я знаю это как по собственному опыту, так и из обсуждений, происходивших с другими женщинами в моей антропологической работе. Понимающий и принимающий «ты» (муж. р., 2-е л., ед. ч.) появляется в женском (а точнее, девичьем, отроческом) внутреннем монологе как тайный собеседник. Его обретение составляет волнующую альтернативу обыденным отношениям семьи и сверстниц⁸. Такое любовно окрашенное «ты» примеряется к реальным возможным партнерам посредством гаданий и «анкет»,⁹ чтобы юноша как-то обнаружил свое избранничество, чтобы «она сказала: это — он».

Избранники обречены на несоответствие этой роли, поскольку чаемое женщиной *alter ego* не из мира сего. Это — то самое «ты», которое открывается только в общении и непознаваемо как объект, «ты», о котором писал Мартин Бубер: «Я не

⁶ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 294.

⁷ См. о так называемом «романтическом сценарии»: Темкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 248—267 (4.2. Советские сценарии сексуальности).

⁸ Я писала об этом: Суженый-ряженный: мистический избранник в женском тексте // Адоньева С. Б. Дух народа и другие духи. СПб.: Амфора, 2009. С. 140—167.

⁹ О рукописных практиках советских девушек см.: Борисов С. Б. Культурная антропология девичества / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2000; Борисов С. Б. Эволюция жанров девичьего альбома в 1920-е — 1990-е годы // Шадринский альманах. Вып. 1. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997. С. 87—110.

приобретаю никакого объективного опыта о человеке, которому говорю Ты. Но я со-стою в отношении с ним...».¹⁰

Девушка-колхозница в дневнике конца 1950-х годов так описывает идеального возлюбленного: «В парне, я отвечаю на поставленный самой себе вопрос, — нужно прежде всего искать человека, его душу, характер, интересы. Не знаю, как у других, я лично ищу в сердце парня сочувствия, отзвука своему сердцу».¹¹

Я думаю, что жизненный опыт мужчины и женщины советской эпохи имел разные траектории движения между субъектно-субъектной моделью отношений «я — ты» и субъектно-объектной «я — он/она». Освоение той или иной модели или ее изменение определялись (и определяются) отношением между предписанным обществом социальным сценарием (гендерным, возрастным, «классовым») и всегда персональным опытом, который может либо уместиться в «ложе» сценария, либо обнаружить то, что это ложе — прокрустово.

Женский опыт предполагал последовательное прохождение этапов трансформации «ты». Первый этап можно назвать «я в твоих глазах, любимый». Этот тип мировосприятия делегировал оценку «я» мужскому «ты», что, в общем, следовало патриархальной модели: от чаяния отцовской родительской любви-признания — к любви-признанию мужчины. Отсюда и женское пристрастие к мелодраматическому пафосу: «я есть только тогда, когда тобою любима, а если разлюбишь, то и нет меня». Например, из наиболее популярного текста Риммы Козаковой, заполнившего все девичьи песенники 1970-х годов:

Постарею, побелею,
как земля зимой.
Я тобой переболею,
ненаглядный мой.

Я тобой перетоскую, —
переворошу,
по тебе перетолкую,
что в себе ношу.

До небес и бездн достану,
время торопя.
И совсем твоею стану —
только без тебя.

¹⁰ Бубер М. Два образа веры / под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. М.: Республика, 1995. С. 20.

¹¹ Дневник Розы Богдановой // CD—ROM «Музей биографий. Русская провинция. XX век». Пропповский Центр. СПб., 2002.

Мой товарищ стародавний,
суд мой и судьба,
я тобой перестрадаю,
чтоб найти себя.

Зависимость от любимого, который «суд» и «судьба», оформляется особым дискурсом. Такой тип говорения был описан Роланом Бартом.¹² Речь влюбленного следует, по оценке Барта, феминной стратегии подчинения: «В языке (словаре) уже давно установлена эквивалентность любви и войны: в обоих случаях речь идет о том, чтобы покорить, захватить, пленить и т. п. Каждый раз, когда некий субъект “влюбляется”, он в чем-то оживляет архаические времена, когда мужчины (чтобы обеспечить экзогамию) должны были похищать женщин; во всяком влюбившемся с первого взгляда есть нечто от сабинянки (или любой другой из прославленных Похищенных)».¹³ Возлюбленный похищает тебя у тебя самого. Барт описывает конструкцию внутренней речи влюбленного, в которой адресат речи — абсолютно непознаваемый, закрывающий собою небеса: «Вы повсюду, ваш образ всеобъемлющ...».¹⁴ Но такова конструкция внутренней речи моих соотечественниц, поголовно вызубривших письмо пушкинской Татьяны: адресат создается в романтическом обращении до всякого конкретного объекта любви.

Я думаю, что женское чаяние «высоких отношений», в значительной степени, было заменой вытесненной и запрещенной метафизики. Разочарование на этом пути неизбежно: человеку не под силу обеспечивать экзистенциальный смысл существования другого. Тогда для женщины оставалась возможность спроецировать «ты» на детей — «жить для них», на детей полагая ответственность за собственный смысл.

Мужской опыт предполагал движение от общепринятой схемы субъектно-объектных отношений к рефлексивному поведению. Первая схема — назовем ее «я и мир» — предполагает восприятие окружающих как среды, в отношении которой субъект призван совершить действие, чтобы достичь своей цели: «преодолеть пространство и простор...» Если среда сопротивляется — субъект фрустрирует или гневается. Такой — эгоцентрический — тип поведения никак не мешал взрослым профессиональным занятиям. Социальная активность человека Страны Советов строилась на освоенной каждым со школьной

¹² Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / пер. с фр. В. Лапицкого, вст. ст. С. Зенкина. М.: Ad Marginem, 1999.

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Там же. С. 263.

скамьи ленинской теории отражения: «сознание отражает бытие». Другому сознанию в этой схеме места нет, оно может отражать либо так же, как мое собственное (то есть правильно), либо «искаженно». Отсюда — единая для всех наук методология, отсюда — жесткое следование собственным убеждениям (поскольку иных убеждений просто не может быть). И, как это ни смешно, отсюда же — российский «мужской» стиль езды на автомобиле: все прочие участники движения — не субъекты, с которыми ты находишься в отношениях договора, но «движущиеся объекты», среда, которую «настоящему мужчине» следует преодолеть.

Вторая — рефлексивная — схема мужского поведения уже предполагала другого, но в первую очередь как соперника, как одного из участников всеобщего агона. Рефлексивное поведение понималось в этом случае как умение **управлять** действиями партнера по коммуникации,¹⁵ то есть как манипулятивное поведение. Эта, по сути, трикстерская схема в сфере частных, любовных отношений была преобладающей: в деле завоевания женщины нужно обойти соперника и обхитрить ее саму: взять хитростью и ловкостью. При слабой экономической дифференциации, отличавшей советское общество, экономический ресурс был не так важен, как ловкость «в обращении с женщинами» (Беспалов). Побеждал в борьбе за женщину не богатый, а хитрый.

Третий, более высокий тип субъективности, если он в принципе достигался, предполагал действие не на основании внешней оценки, но на основании сформулированных для самого себя правил — внутреннего закона. Собственно, это и означало способность к рефлексии. Но здесь «Ты» также не случилось, это был разговор с самим собой.

Ревность мужская и женская имеют различную подоплеку: ревнующий мужчина страдает из-за опасности утратить часть своего пространства, того хорошего и ценного, что он завоевал. Ревнующая женщина боится умереть, поскольку ее личность переживается ею как производная от того мужчины, которому она «вручила себя».

Моя попытка указать на гендерные различия в отношениях «я и ты» вызвана тем, что автобиографии, предлагаемые читателю, являют собой иной, отличный от моего, мужской, тип чувствования и выражения. Они для меня *иные* не только по при-

¹⁵ Трансформацию мужской модели субъектности от «Я — он» к «Я — Ты» (в буберовском смысле) можно увидеть на примере развития концепций в пределах одной научной биографии. См.: Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973. Он же. Алгебра совести. М.: Когито-центр, 2003.

чинам социальным, поскольку их авторы принадлежат к иной социальной страте (крестьяне-колхозники). Они *иные* не только по причинам временным: Д. И. Лукичѳв чуть старше моего деда, Д. П. Беспалов чуть старше отца. Это биографическое письмо *иное* для меня по причине присутствия в нем мужского личностного рисунка. Я ощущаю столь разнящийся в этих дневниках рисунок мужской субъективности именно потому, что он отличен от моей, женской, привычки чувствовать и думать. Самое яркое его проявление в том, что в этих дневниках практически полностью отсутствует «ты», адресат. Лишь дважды, обнаруживая особое духовное напряжение, Д. И. Лукичѳв повторяет: «Куда свой взор не обращаю, везде Тебя, Господь, встречаю». Первый раз он записывает эту фразу в октябре 1921 года перед записью об именинах сына (1914 г. р.). На это время — это единственный выживший сын в семействе Лукичѳвых: первый мальчик, Сергей, родился в 1906 году и умер на восьмом году жизни. Рожденного в том же году второго сына нарекли тем же именем. Дмитрий Иванович пишет о том, что они с женой сильно тосковали о первенце, жена, пережив смерть одного сына и рождение второго «очень сильно захворала, всю зиму не вставала с постели и утратила трудоспособность[ь] на всю остальную жизнь». Лукичѳв обращается к Богу, как к «Ты», когда второй Сергей дожил до того возраста, в котором умер первый.

Второй раз он обращается к Богу с этой фразой в июле 1922 года, через несколько дней после рождения третьего сына, Бориса, и накануне его крещения.

Во всех прочих случаях «ты» появляется как адресат назидания, в императивах, позаимствованных из Ветхого Завета или построенных по той же модели. Высказываясь таким образом, Лукичѳв делает адресатом речи самого себя: «Что заповедано тебе, о том размышляй: ибо не нужно тебе что сокрыто».¹⁶ Он выписывает библейские цитаты:

«Не отвращайся от трудной работы и от земледелия, которое учреждено от Вышняго».¹⁷

«Не меняй друга на Сокровища».¹⁸

«Ест[ь] у тебя сыновья — учи их справедливости».¹⁹

«Не отдавай жене души твоей».²⁰

«Не открывай всякому человеку твоего сердца».²¹

На первой странице своей «памятной книжки» Д. И. Лукичѳв определяет ее адресатов: «В настоящую книжку записываю»

¹⁶ Сир. 3:22.

¹⁷ Точная цитата [Сир. 7:15].

¹⁸ Неполная цитата: «Не меняй друга на сокровище, и брата однокровного — на золото Офирское [Сир. 7:20].

¹⁹ Автор меняет текст изречения. В источнике: «Есть у тебя сыновья? учи их и с юности нагибай шею их» [Сир. 7:25].

²⁰ Неполная цитата: «Не отдавай жене души твоей, чтобы она не восстала против власти твоей» [Сир. 9:2].

²¹ Неполная цитата: «Не открывай всякому человеку твоего сердца, чтобы он дурно не отблагодарил тебя» [Сир. 8:25].

вать все события и заметки семейной жизни, для памяти как для себя так и для будущего поколения семейства; книга должна храниться и тщательно оберегаться от порчи и утери, записывать для памяти только то, что окажется достойным внимания и памяти, а также то, что должно быть полезным как в материальном так и в нравственном положении; также те мудрые и нравственные изречения и пословицы, кои могут быть поучительны и полезны для самоусовершенствования себя и всех кто их прочтет.

Чувства и мысли кои записываются должны быть тщательно и основательно проверены и обдуманы здравым разумом».

Дмитрий Иванович в точности следует избранной установке на протяжении почти двух десятилетий ведения дневника. Он пишет для себя и для «будущего поколения семейства», с одной стороны, фиксируя внешние события — изменения денежных знаков и монет, исторические факты, эффективность своего хозяйства по годам, налоги и т. д., с другой стороны, провяря и обдумывая события внутреннего порядка — этику, жизненное правило, основания личного выбора.

К началу записей потомство Лукичёва состоит из семи детей, старшей дочери Марии — восемнадцать лет. Очевидно, дети («будущее поколение семейства») были допущены к отцовскому дневнику: дочь Анна рисует в нем цветочки цветными карандашами, привезенными ей отцом с ярмарки. Ее цветочки — на той странице дневника, где он пишет о Боге и рождении сына Бориса. Анна Дмитриевна хранила его «Памятную книжку» до последних лет своей долгой жизни (1908—2008).

В дневнике Д. П. Беспалова «ты» никогда не поднимается до уровня адресата авторской речи, «ты» отдано персонажам многочисленных диалогов, которые вспоминает (а может быть, и придумывает) автор.

«Ты», обращенное к женщине как адресату речи, появляется в двух случаях: когда Беспалов записывает стихи собственного сочинения и когда переписывает стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье...».

«Помнишь ли, милая,
Шла ты пугливая
И озиралась кругом.
Помнишь ли, милая

Было свидание,
Там у сестры, вечером.
Ты мне не верила
В ласки горячие
Ты говорила: обман!
Помнишь, светила нам
Лампа висячая —
Мы уходили в чулан.
Вспомни же, милая,
Как мы влюблялись
Встретаясь с тобой первый раз
С крепкой любовью с тобою
Расстались
Был уже утренний час.
Вспомни, как я приходил
К тебе вечером,
Ты улыбалась слегка,
Вспомни, как нежные прелести девичьи
Ты закрывала тогда...
Ты не совсем поняла
ласки нежные,
Ты не узнала меня,
Вспомни минуты любви
Безмятежные,
Вспомни, подруга, любя.
Вспомни-ка, милая, шторы цветистые
Быстрый ручей за окном
В комнату лились лучи золотистые
Там мы сидели вдвоем».

Адресат заимствуется автором вместе с осваиваемой им поэтической речью. Цитата из хрестоматийного пушкинского стихотворения приходит ему на ум, когда он описывает, как неожиданно встретил свою девушку на сельском агитпункте, где они занимались подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР: «Душе настало пробужденье: И вот опять явилась ты...».

В отдельных случаях адресатом дневника Беспалов избирает самого себя, но как не похожи его императивы на речь Лукичёва: «Образ любимой девушки преследует меня всюду,

где бы то я не находился. Где та суровая жестокость в моем сердце, которая была в суровые дни боев 1943 года? Может ли быть, что сердце мужчины, холодное, тяжелое, беспощадное, закалившее на полях битвы с врагом, может таять перед ее девственностью как воск. — Нет! Наберись силы воли, Дмитрий Петрович, и забудь думать о любви. Женщины — продажные души. Ты помни об этом всегда, и мысль эта поможет тебе легко относиться к своей любимой».

Иногда в записях появляется некий гипотетический адресат, явно литературного происхождения, с которым автор на «вы»: «Я плакал сегодня. Вы скажете — почему? Испытайте сами: затопите баню и попробуйте пробыть в дыму добрые 3 часа. Надеюсь каждый выйдет оттуда с красными глазами. Но я не обидуюсь за это. Вы опять спросите — почему? Потому, что я нагнал 5 поллитров самогонки, что завтра — необходимо. Итак, сегодня т. е. накануне «Михайловодня» я гнал самогонку. Завтра будет праздник, и думаю, что перед гостями не упаду лицом в грязь. Да! Да! В совершенстве заверяю!».

Во всех случаях обращений к адресату Беспалов его конструирует, следуя определенным риторическим традициям; это не экзистенциальное, но риторическое «ты». Их так же много, как и авторских «я» — завоеватель культурной жизни, воин-победитель, жертва судьбы, инвалид.

Отношения «я — ты» образуют внутренний диалог Лукичёва с Богом и иногда, в императивных конструкциях овладения собственным поведением, — с самим собой.

У Беспалова отношения «я — ты» образуют диалог актера-импровизатора со зрителем, помогающим ему «представить себя». Иногда таким зрителем оказывается он сам.

Здесь уместно ввести определения, позволяющие описать то, что выше я называла внутренней жизнью. Человек может представлять и осознавать себя как личность, собранную из определенного набора относительных идентичностей. Относительная идентичность предполагает отождествление индивида с определенным социальным типом, характеризующими его сценариями поведения и привычками думать и чувствовать: «я женщина», «я советский человек», «я мать», «я мужчина», «я деловой человек», «я защитник отечества» и т. п. Совершенно другой вопрос — как в границах индивидуального жизненного опыта переживается то, что предлагают человеку история и

традиция, то есть как принимаются те относительные идентичности и связанные с ними роли, которые он вынужден сыграть? Как человек осваивает вмененные ему обстоятельства и нормы? Что он делает с ними?

Человек может стремиться к отождествлению с ролями — стать «настоящей женщиной», «настоящим мужчином», но может и не вмещаться в них. Тогда он становится человеком, «который до конца не воплотит в существующую социально-историческую плоть», он становится индивидом, уклоняющимся от готовых форм.²²

По определению М. М. Бахтина, «человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности. Он не может стать весь и до конца чиновником, помещиком, купцом, женихом, ревнивцем, отцом... Самая зона контакта с незавершенным настоящим и, следовательно, с будущим создает необходимость такого несовпадения человека с самим собою».²³

Под субъективностью — или личностной идентичностью в противоположность идентичности относительной — я понимаю то, что принято называть «self-identity»: осознание себя в перспективе социальных ожиданий и норм и, вместе с тем, в перспективе индивидуального выбора, в рефлексии по поводу тех идентичностей, которые предложены временем в качестве обязательного набора сценариев поведения.

Относительная идентичность достигается различными социальными практиками, инициатива идентификации не принадлежит в этом случае индивиду. Как писала Н. Н. Козлова, «в традиционных обществах жизненные рамки создаются обычаем и ритуалом: каждый знает, что ему делать, как поступить, путь его предопределен. Доверие людей друг к другу (основа социальной связи личного типа) выступает как источник *легитимности* мира. В *модерных* обществах жизнь человека неотделима от постоянного выбора и социального творчества. Межличностные отношения обретают независимость от связей родства, от клановых определений. Возникает “Я”, которое не доверяет автоматически. “Я”, для которого *самоидентичность* является проблемой. Это “Я” осмысливает себя в терминах *автобиографии*».²⁴

Я не думаю, что самоидентичность (субъективность) и относительную идентичность стоит исторически разносить: первая, по распространенному мнению, — продукт современных

²² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 479.

²³ Там же. С. 480.

²⁴ Козлова Н. Н. Гендер и вхождение в модерн // Общественные науки и современность. М., 1999. № 5. С. 167.

обществ, вторая — традиционных. Возможность самоидентичности была всегда. Она осуществлялась тогда, когда человек либо по внешним обстоятельствам, либо по собственной воле расподоблялся с предписанным ему жизненным сценарием. Некоторые из таких людей оставили нам свои автобиографические тексты: Аврелий Августин, протопоп Аввакум, Марко Поло, Лев Толстой. Само существование подобных произведений доказывает тот факт, что индивидуальная идентичность не является продуктом ни социальной страты, ни истории. Ее движущая сила — развитие личности в юнгианском смысле, или самоактуализация, как это назвал Абрахам Маслоу.

Акт самоотверженности может быть сценарием относительной идентичности: общественное служение как установка может быть включено в риторику публичного дискурса (героизм). Но тот же акт самоотверженности может быть и не поддержан обществом. Отсутствие социальных «подпорок» в виде общественного одобрения делает такой выбор актом трансгрессии. Так, самопожертвование в пользу советского отечества было выбором, определяемым относительной идентичностью «советский человек», а исповедание веры в обстоятельствах советской эпохи — выбором, формирующим личностную идентичность, поскольку это был выбор трансгрессии.

Медиация между заданным извне пониманием и пониманием, искомым самостоятельно, таким, которое обеспечило бы доступ к переживаемому опыту, — вот тот нерв, который определяет мужские дневники, предлагаемые читателю.

Работа по определению себя совершается в обоих дневниках, и главное в ней — поиск и освоение стратегий речи, которые могут очертить и фрагментировать ландшафт внутреннего мира. В этом выборе мои герои очень разнятся. Д. И. Лукичёв ищет слова и определения в Ветхом Завете, у Мопассана и в народных языковых клише. Д. П. Беспалов — у Карамзина, Лермонтова и Пушкина, в стилистике советской газеты и канцелярского письма.

Разнятся авторы и в достигаемых результатах. Усилия Дмитрия Беспалова направлены на созидание «персоны» — воина-победителя, советского человека и покорителя девичьих сердец: «отличительной чертой моего характера является смелость обращения со всеми в различной обстановке и в любом обществе». Он лишь время от времени прорывается к себе

²⁵ В дореволюционной России при переписях сельского населения учитывались домохозяйства, после революции было принято понятие «семья» как первичная ячейка общества, которая являлась единицей учета в государственной статистике. В 1970-е годы статистика вновь вернулась к понятию «домохозяйство» в качестве единицы учета сельского населения страны. В составе домохозяйства могут быть учтены лица, не имеющие родственных связей, но проживающие в данном помещении и ведущие одно хозяйство. В похозяйственную книгу (форма № 1, приказ ЦСУ СССР от 05.09.79 №10, эта форма первичного учета актуальна и теперь — мы каждый год работаем с сельскими похозяйственными книгами) «записываются постоянно проживающие на территории сельского Совета хозяйства всех общественных групп (хозяйства колхозников, рабочих, служащих, кустарей, крестьян-единоличников и прочие хозяйства) по порядку размещения их в населенном пункте, независимо от их общественной группы». См.: сайт «Информационно-правовой портал» URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-gosudarstvo/i2k.htm>.

самому. Это случается, когда он описывает то, что происходит «здесь и теперь». Автор-маска вдруг исчезает и появляется незнакомый, но удивительно достоверный мир: «Увидел я ее нечаянно. У Левкиной байны, прямо на улице, меня подстригал Вася Жбанов. Из байны шел дым, и пахло горелым спиртом: Левка гнал самогонку.

— Вон едут!..».

«Я ехал вниз по течению: лодка под силой весла неслась стремительно; кругом казалась немая тишина, только легкий плеск воды, да шум врезающейся в воду лодки нарушали тишину. Вода впереди, у берегов казалась черной, а около лодки и дальше, по течению, вода походила на свинец, расплавленный в черной банке».

Дмитрий Иванович Лукичев ставит целью своего письма самоусовершенствование себя и тех, кто прочтет его «Памятную книгу». Он ведет записи долго — с 1920-го до 1938 года. Движение его заметок имеет острова повторяемости: императивы. В них, посредством библейских цитат и пословиц, определяются жизненные установки автора, старательно удерживаемые им из года в год: «Перестань делать зло; научись делать добро», «помни не забывай святой труд земледелия», «ищи прилежно истину», «будь честным не за страх, а за совесть», «научись любить людей», «блажен иже и скоты милует, не мучь мухи и ей больно».

Во всех случаях, описывая рыбалку или сход, цитируя Библию или пословицы, он следует за собственным опытом. Он ищет слова, чтобы его назвать. Он действительно считает труд земледелия святым и недоумекает, как колхоз может пропускать страдное время: «28 Августа [1931 г.]. Почему мы не идем на полевые работы — как то невозможно себе представить, чтоб крестьянин в страдну пору сидел сложа руки». Он действительно учится делать добро, всегда храня свои уста от осуждения и обиды.

Авторы дневников имели разные социальные статусы: статус в русской дореволюционной деревне определялся возрастом, семейным положением и отношением к хозяйству: Беспалов — парень, член семьи колхозника. Домохозяином, очевидно, был его отец.²⁵ Лукичев — взрослый мужчина, большак, то есть глава крестьянской семьи и усадьбы, которая на этапе коллективизации из единицы

социально-экономической превращается в единицу социально-территориальную.

В дореволюционной деревне слова *парень* и *большак* обозначали не только физический возраст, но обширную область норм, представлений и отношений, которые регулировали социальную жизнь крестьянского сообщества. Парень — мужчина от рождения до женитьбы, *мужиком* мужчину именовали только после женитьбы. Большак — именование мужчины с момента обретения им собственного дома и хозяйства, что наступало по смерти отца или при выделении. Жизнь крестьянина, исполненность его века определялись последовательным проживанием этих статусов-этапов: парень — мужик — большак. Пребывание в том или ином возрастном статусе предполагало включенность в определенную сеть горизонтальных и вертикальных отношений, а также определенные имущественные правила и определенные обязанности. Горизонтальные отношения между людьми, принадлежащими к одной возрастной группе, были отношениями договора и конкуренции. Так, деревенские парни бились между собой за престиж — «честь» и «славу». Престиж определялся лихостью и отвагой личного поведения, а также групповой доблестью в битве ватаги на ватагу (*ватага, шатия* — группа парней одной деревни). Любой собственный заработок, достаточно редкий, поскольку парни в дореволюционной деревне в основном работали на семью, мог быть им преобразован только в «справу». К справе относились: одежда, средство передвижения, оружие, предметы личного обихода. Эти предметы составляли символический капитал парня. Решение о «справе» мог принимать только большак-отец. Уважение односельчан вызывал тот, кто «держал» сыновей «хорошо». Большак отвечал за своих парней перед властью и миром. Неженатая молодежь подчинялась своим родителям, а также людям того же, что и родители, социального возраста. С раннего возраста мальчики и парни принимали участие в общих мужских работах, оценка старших мужчин была для них исключительно важна.

Отношения со старшими по статусу мужчинами и женщинами изменялись, когда парень или девушка вступали в брак. Девушка-невеста выходила из подчинения своим родителям и, став молодой женой, перепоручалась семье мужа. Связь между родителями и замужней дочерью становилась горизонтальной.

Предполагались взаимная помощь семей, совет, проведывание, праздничная гостьба, но не подчинение. Вступив в брак, женщина становилась в подчиненное положение по отношению к мужу и его родителям — свекру и свекрови. Муж и родители мужа отвечали теперь перед *миром* за невестку. Иначе устраивались отношения подчинения мужчины. До свадьбы парни подчиняются отцам и матерям-большухам, причем как своим матерям, так и чужим — *теткам*. Власть матери над мужчиной-сыном должна была закончиться с его браком, женатый сын и мать в крестьянской семье находятся на одной горизонтали в семейной иерархии: ни тот, ни другая не могли друг другу приказывать — лишь просить и договариваться. Но старшему мужчине, отцу, большаку, сыновья подчинялись вплоть до собственного выхода на большинство или отделения в собственное домохозяйство.

Социальной задачей молодого мужчины было завоевание признания в среде мужиков, дабы в свое время быть принятым в состав деревенского схода, коллегиального управляющего органа деревни, состоявшего из мужчин-домохозяев. У старших — отцов — молодые мужчины учились ответственности и принятию решений. В мужских местах и в мужском общении — на рыболовном промысле, артельных работах, строительстве, на общих сельских праздниках — они набирали хозяйственный и социальный опыт. Воспитанию сыновей мужчины отдавали много времени: их брали с собой на многодневные рыбные и охотничьи промыслы, где кроме навыков ремесла молодые люди узнавали много другого, слушая разговоры старших мужчин. Эта — особая — сфера мужского приватного, доверительного межпоколенческого общения обеспечивала мужчине язык для описания и переживания собственного опыта: опыта страха, опыта ярости, опыта влечения и пр. Таким языком был в основном язык фольклора: былин, духовных стихов, сказок, легенд, анекдотов.

Ответственность каждой из половозрастных групп русской деревни была организована по-разному. Парень отвечал только за себя и только перед старшими. Женатый мужчина отвечал за себя и свою жену перед отцом и обществом. Отцы-большаки несли полную ответственность перед «миром», государственной властью и общиной за поведение всех членов своей семьи, а также за материальное состояние семьи и хозяй-

ства. Большаки заботились как о семейном благе, так и о благе общины: сход отвечал перед властями за сбор налогов, распределение земли, отправку на военную службу, починку дорог и пр. Сход определял содержание церковного причта, определял потребность в своей деревенской церкви или часовне и обеспечивал их строительство. Условием благополучия общины было разумное и компетентное поведение большаков.

Отношения между мужскими поколениями существенно изменилось с приходом советской власти. Новая власть в первую очередь ударила по мужской возрастной иерархии. Уничтожались «крепкие» большаки, опытные и успешные хозяева (на языке совдепа — «кулаки» и «середняки»).²⁶ К началу тридцатых годов был полностью разрушен социальный институт крестьянского схода.²⁷ Власть в деревне захватывали те, кто получал соответствующие мандаты в областных и районных центрах. Обычно это были мужчины, чья крестьянская мужская судьба — домохозяйство, большая — еще не состоялась. В деревню 1920-х годов вернулись уполномоченными новой властью «сыновья» тех, кто составлял на ту пору деревенский сход, в основном — призванные на Первую мировую войну молодые мужчины.

Революция в российской деревне — а она завершилась коллективизацией в конце 1920-х — начале 1930-х годов — в значительной степени была конфликтом между мужскими поколениями. Исторические данные рубежа 1930-х годов позволяют увидеть за «классовыми» определениями участников событий коллективизации их возрастные отношения. Сыновья, укрепленные новой идеологией, выходят из подчинения отцам. Так, например, в прессе в 1930 году широкую известность получает опубликованное в газете «Красный воин» (13 февраля) письмо красноармейца Воронова, написанное им в ответ на сообщения отца о том, что «последний хлеб отбирают, с красноармейской семьей не считаются»: «Хоть ты мне и батька, ни слова твоим подкулацким песням не поверил. Я рад, что тебе дали хороший урок. Продай хлеб, вези излишки — это мое последнее слово».²⁸

Другой пример: «Борисоглебские комсомольцы в процессе раскулачивания ликвидировали несколько батрацких хозяйств за то, что дочери хозяев вышли замуж за кулацких сыновей».²⁹ Комсомольцы (а это молодые люди, парни) принимают

²⁶ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. М.: Политиздат, 1989; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

²⁷ Сход как орган управления сельской общиной, который составляли владельцы домохозяйств, был заменен Правлением колхоза — органом управления «обобщественным» хозяйством — и сельским советом как территориальным органом правления. См.: Очерки по истории органов советской государственной власти. М.: Юриздат, 1949. С. 7—82; Коржихина Т. П. История государственных учреждений СССР. М.: Высш. шк., 1986. С. 157.

²⁸ Чуркин В. Ф. Самоидентификация крестьянства на переломном этапе своей истории // История государства и права. М., 2006. № 7.

²⁹ Никулин Р. Л. Участие комсомольских организаций черноземья в раскулачивании // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета: Сб. науч. ст. СПб., 2004. Вып. II. С. 83—89.

решение о репрессии «хозяев», то есть большаков. Этим действием они ломают традиционную систему возрастной мужской иерархии.

В результате коллективизации вместе с крестьянским хозяйством как социально-экономической единицей общества был разрушен порядок освоения степеней ответственности, организованный в традиционном обществе через систему переходных ритуалов: служба в армии, женитьба, принятие в мужскую артель (например, рыболовную), выход на большинство, принятие в сход. Возрастная социализация мужчин, рожденных в советское время, успешно проходила до стадии «мужиков»: ватага или шатия, армия/война, женитьба. Именно эти возрастные модели мужского поведения эффективно транслировались советскими поколениями: мужская группа с сильными коллективистскими связями, ответственность перед нею, риск и агрессивность. На этапе освоения *большины* советский институт мужской возрастной социализации давал сбой: мужчины уходили на фронт и погибали, уезжали на стройки страны, поднимали целину, служили в армии, сидели на зонах и т. д., и т. п. Поколение, воспитанное после коллективизации, в предвоенные годы и позже, заботу о домохозяйстве, рачительность воспринимало как «отсталость» и противопоставляло ей заботу о «народном добре». Мужчины должны были заботиться о благосостоянии Родины; о благосостоянии своей семьи и хозяйства заботились «бывшие», «мещане», «обыватели» и другие «мелкособственнические элементы»³⁰. Женщин подобные обвинения касались в меньшей степени, поскольку им была отведена роль матери; забота о воспитании «богатырей», предполагавшая внимание к домашнему хозяйству, делала ее менее уязвимой.³¹

Основным путем социальной карьеры советского мужчины была партийная лестница. На каждом ее марше — комсомол, партгруппа, партком, райком, горком и далее — форма отношений выстраивалась подобно архаическому «мужскому союзу», в котором ценность группы (коллектива) была выше ценности семьи и тем более — ценностей индивидуальных. «Индивидуалист» — ругательное слово советского языка. В учебнике психологии сталинской эпохи коллективизм описывается как основная черта характера советского человека: «Советский человек не может ставить перед собой жизненно важные цели, которые противопоставлялись бы целям коллектива, советский

³⁰ См.: Мокшенин В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.

³¹ Адоньева С. Б. Материнство: мифология и социальный институт // Адоньева С. Б. Дух народа и другие духи. СПб.: Амфора, 2009. С. 26—64.

человек не рассматривает свою личную судьбу, свой личный успех оторванно от судьбы коллектива, от успеха общего, коллективного дела».³²

Социальные институты, которые поддерживали переход мужчины от одного возрастного сценария к другому, к середине XX века в сельской России оказались в значительной своей части разрушенными. Процесс превращения российского крестьянина с присущим ему набором возрастных относительных идентичностей в «советского человека» мы можем наблюдать на примере публикуемой автобиографической прозы.

Чтение этих дневников, очень разных, иногда захватывает, иногда может утомлять, но я не сомневаюсь в том, что этот труд — во благо. Эти тексты достоверно свидетельствуют о том, что «маленькие» или «простые» люди, бородатые крестьяне-мужики с картинок про русскую деревню и brave фронтовики в выгоревших ватниках, существовали не только на плакатах, картинках и в кино. Они существовали, были. И были не меньше и не проще, чем ты сам.

³² Теплов Б. М. Психология. М.: Учпедгиз, 1953. С. 222.